

БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ ГЛАЗАМИ СОЛДАТА: ВОСПОМИНАНИЯ НИЖНЕГО ЧИНА Е. В. ТУМИЛОВИЧА

Несколько лет назад при разборе старой мебели в тайнике письменного стола нами были найдены четыре тетради, содержавшие воспоминания о жизни моего деда по материнской линии Евгения Владиславовича Тумиловича. Часть этих рукописных воспоминаний касается его участия в Первой мировой войне в составе 326-го Белгородского пехотного полка 82-й пехотной дивизии. По какой причине эта часть воспоминаний была им спрятана, сказать не могу — очевидно, считал время неподходящим для публикации. По моему мнению, эти воспоминания — уникальное свидетельство времени не только для нашей семьи, но и для военной истории России. Тем более что сослуживцем деда был Василий Иванович Чапаев, с которым он познакомился, находясь в госпитале.

Обстоятельства сложились таким образом, что Евгений Владиславович, в 18 лет добровольцем ушедший на фронт с институтской скамьи, оказался не вольноопределяющимся, а рядовым разведчиком. Он участвовал в Брусиловском прорыве и тяжелых боях в Карпатах. За подвиги на полях битв Великой войны он дважды был награжден солдатским Георгиевским крестом.

К сожалению, воспоминаний рядовых солдат Великой войны сохранилось не так много, в том числе и в связи с низким уровнем грамотности рядового состава. Тем ценнее, на мой взгляд, эти мемуары. Представленный отрывок — часть книги, которая до сих пор не была опубликована и охватывает период от примерно 1900 года и до начала Финской войны.

В кровавом хаосе братоубийственной Гражданской войны дед не участвовал, в 1918 г. он поступил в Путьский институт. После Первой мировой войны судьба уготовила ему еще много испытаний — штурм линии Маннергейма в Финскую войну, строительство под бомбами и снарядами железной дороги к Дороге жизни в Великую Отечественную...

Много лет механизмы ленинградских мостов разводились благодаря заботам дедушки Жени, и одна из набережных города была построена по его проекту.

Его не стало в 1972 году. Светлая ему память...

О. С. Кошев

Брусиловский прорыв

В последние дни, когда заканчивалась постройка минных галерей, во время прогулок по бесконечно длинным ходам сообщений на кухню за обедом и ужином в тылу наших окопов за холмом чувствовалось какое-то необычное движение.

В садах появились повозки с лошадьми. Избы заполнились артиллеристами — их всегда можно было легко узнать по возрасту, по мощным фигурам и по сосредоточенным бородатым лицам. Пулеметные тачанки, зарядные ящики, горы свободно лежащих снарядов и другие военные средства заполняли сады и овраги наших тылов.

В разных местах участка артиллерия отдельными выстрелами вела пристрелку по окопам и тылам противника, на что последний отвечал массированным непрерывным огнем. Но наша артиллерия не поддавалась на вызов и не изменяла темпа.

В один памятный вечер солдатам пополнили запас патронов, а гренадерскому взводу, в котором состоял и я, выдали по 6 штук круглых чугунных бризантных гранат с капсюлями и велели проверить ножицы. По окопам осторожно и бесшумно проносили дополнительные пулеметы и бесконечное количество ящиков с пулеметными лентами. Появились какие-то новые, незнакомые нам минометы, с похожими на огромную свеклу минами.

Хотя мы еще не понимали и не знали причины этих непонятных и таинственных перемещений, но инстинкт, по-видимому бессознательно, подсказывал — о сне не было и мысли, по телу пробежала дрожь. Всю ночь в наших окопах стояла мертвая тишина — ни одна ракета, ни один выстрел не нарушали этот таинственный грозный покой. Но мертвое пространство между окопами было залито не прерывающимся светом множества ракет противника и летающими стрелами его прожекторов. Сколько можно было охватить бессонным взглядом в обе стороны вдоль окопов — всюду холодный свет ракет и огни прожекторов насыщали мрак встревоженной ночи и терзали тяжелыми предчувствиями возбужденное сознание «царицы полей». Ночь приближалась к концу. Зеленый луч еще не видимого солнца уже проник сквозь уходящие волны тумана, с его появлением слегка улеглась и ночная тревога людей.

Вдвоем с Золотницким в углу блиндажа вскрыли мы неразорвавшуюся австрийскую бомбу, зажгли тротил и, как обычно, повесили котелок с водой, чтобы согреть чайку, в обществе которого всегда

приходит успокоение возбужденных нервов, а его горячая влага выгоняет из организма озноб от сырого ночного тумана.

И вдруг в этот короткий миг ничтожного блаженства, в затаенной тишине небесного свода раздался страшный свист, рев и грохот, как будто небо разорвалось на две части и все предшествующие летние громы обрушились на грешную землю¹.

Рев нарастал с невероятной силой и скоростью, блиндаж задрожал, земля посыпалась в котелок и чашки. Мы выскочили на воздух. К грохоту орудий присоединилась нестерпимая трескотня пулеметов. Шестидюймовые снаряды безжалостно разрушали первую и вторую линию обороны противника. Вместе с огнем и столбами черной земли, кверху летели бревна, кровати шинели, трупы людей. Трудно описать и еще труднее представить не выдавшему эту ужасную работу нашей прекрасной артиллерии. К ее бешеному урагану примкнули отдельные потрясающие взрывы огромных мин².

Австрийская артиллерия пыталась беспорядочно отвечать, но никакого влияния на темп нашей артиллерийской атаки не могла оказать, быстро была подавлена и уничтожена.

Линия австрийских укреплений постепенно превращалась в подобие свежеспаханной пашни, поднятой невидимым колоссальным плугом.

Пулеметы не ослабевали своего треска, резали и рвали в клочья сплошную сеть проволочных заграждений. Разрушив передние укрепления, артиллерия переместила огонь на более глубокие тылы. Шрапнель осыпала свинцовым дождем ходы сообщений и районы командных пунктов. Солдаты в боевой готовности воспаленными болезненными глазами, полными неясной тревоги, молча наблюдали за работой свистящего металла и ждали атаки. Сейчас уже всем была ясна цель артиллерийской подготовки. По всем признакам можно было начинать атаку, но командование почему-то медлило — по-видимому, не были еще готовы соседние участки.

¹ 82-я пехотная дивизия располагалась на левом фланге 9-й армии, которую возглавлял талантливый полководец генерал П. А. Лечицкий. Сама дивизия была включена в состав Сводного корпуса вместе со 103-й пехотной дивизией. Во время Брусиловского прорыва 9-я армия должна была нанести отвлекающий удар. Непосредственно прорвать линию обороны австро-венгерцев предписывалось 11-му и 12-му корпусам. Сводный корпус лишь содействовал наступлению 11-го корпуса. — Прим. ред.

² На фронте армии артиллерийская подготовка велась с 4 часов утра до 12 часов дня 4 июня 1916 г. — Прим. ред.

Лишь только во второй половине дня, когда в окопы вошли новые, незнакомые солдаты, нашему гренадерскому взводу велено было по заранее подготовленным норам вылезти в мертвую зону и приступить к уничтожению проволочных заграждений.

Трудно вспомнить и невозможно описать то притупление чувств, во власти которого я находился с момента выхода в мертвое пространство железного кольца. Вытянув перед собою ножницы, мы ползли, как змеи, к колючей проволоке сплошных заграждений. Густая трава, постриженная сверху пулеметным огнем, который все еще не прекращался, служила прекрасной маскировкой для нашей работы.

Когда же мы подползли вплотную к заграждениям, то оказалось, что их уже не существует — всё было иссечено на куски пулеметным огнем и лишь кое-где на подрезанных кольях и рогатках висели отдельные куски колючей проволоки, которая не могла служить препятствием для атаки. Обследовав пространство перед расположением своего батальона, хорошо натренированные гренадеры теми же путями возвратились в свои окопы под массивным прикрытием всех видов огня.

И вот только после этого была произведена короткая подготовка к атаке. Уплотненным строем люди были выстроены у бруствера. Бойцы вновь зарядили и проверили винтовки. Гренадеры вставили в бомбы капсюля и теми же тайными тропами выбрались из окопов. Пулеметный огонь прекратился. Артиллерия крошила тылы.

По условному сигналу мы вскочили на ноги, с криками «ура» и с бомбами в руках бросились на австрийские окопы. В этот же момент позади нас сплошной стеной поднялась наша пехота. Могучее «ура!» грозным ревом прокатилось по фронту.

На месте австрийских окопов беспорядочно затрещали отдельные винтовочные выстрелы, которые сразу же были заглушены и подавлены гранатами.

В несколько секунд была занята первая линия окопов противника. Какой-то обезумевший от страха австриец, бледный как полотно, стоял неподвижно с поднятыми руками. Прапорщик С. ударил его по голове наганом и тот медленно сел и опрокинулся набок. Артиллерия снова перенесла свой огонь в более далекие тылы. Таким же образом, но с большим азартом была занята и вторая линия обороны. Вдруг в нескольких километрах впереди к небу взвился сначала беззвучный огненный столб. Через две-три секунды земля вздрогнула и мощный ревущий звук взрыва докатился до нас.

— Ну все в порядке, склады взрывает! — почти восторженно закричал какой-то старый солдат.

— Теперь можно спокойно двигаться вперед,— добавил он.

Форсированным маршем продвинулись мы еще вперед на два-три километра и остановились у какого-то полуразрушенного завода. Здесь было приказано окопаться.

Трудно сказать, какую цель или какой тактический смысл имели эти остановки, так как впереди еще пылало зарево горящего склада боеприпасов и ясно было, что противник уходит на более отдаленные позиции. В густых цепях солдат кто окапывался, кто после дневных тревог уснул тут же глубоким беспробудным сном. Но есть люди, которые всегда чего-то ищут, что-то им нужно, точно что-то где-то забыли.

Полуразрушенное сооружение, у которого мы окапывались с вечера, оказалось винокурным заводом. Разведка и боевое охранение еще с вечера были двинуты вперед, и народ всю ночь мог отдыхать.

На рассвете после подъема кой-кого в строю не оказалось, а некоторые солдаты были очень развязаны и нетвердо стояли на собственных ногах.

Начались поиски в окрестностях завода, где и нашли трех солдат, в том числе и одного нашего гренадера-украинца по профессии борца, мертвецки пьяными в канаве под кустом. У него не оказалось даже при себе винтовки.

Ротным командиром — прапорщиком С. тут же было организовано наказание, причем досталось больше всех злополучному борцу. Его били по голой спине шомполами. Больше всех, конечно, злорадствовал и даже сам с нагайкой в руке принимал участие в наказании ротный командир. Могучий мужик перенес побои молча, но когда он встал с искаженным от боли лицом и, шатаясь, взглянул на прапорщика — тот вздрогнул и, съезжившись, ускользнул сквозь недобрый шепот солдатской, глядящей исподлобья массы.

Пострадавшему борцу хотели надеть гимнастерку, но она не влезла на распухшую, покрытую потоками крови спину. Так его и увели полуголого с арены импровизированного Колизея на берег заросшего кустами пруда.

На пути нашего движения стоял город Черновцы³. Австрийцы укрепились вдоль правого берега Прута и считали, как выяснилось потом, при опросе пленных, свои позиции совершенно неприступными.

³ Наступление началось 10 июня после шестичасовой артиллерийской подготовки и закончилось отступлением противника. 11 июня 82-я дивизия была включена в состав 11-го корпуса. — Прим. ред.

На левом берегу реки, куда подтягивались наши ударные силы, раскинулся густой старинный лиственный лес, что весьма благоприятно способствовало тактической подготовке очередного удара.

Пятого июня на рассвете вновь загрохотала наша тяжелая шестидюймовая артиллерия. Крутой обрывистый берег Прута, на котором в непосредственной близости от реки находилась первая линия обороны противника, быстро из ярко-зеленого начал краснеть, точно его кто-то красил невидимой кистью. Несколько цепей русской пехоты, как накаленная лава, незаметно двигались в условиях прекрасной лесной маскировки к исходным рубежам⁴.

Пулеметный и артиллерийский огонь огненным валом бушевал над австрийскими позициями, снова сметая на своем пути заграждения и живую силу противника. Огненный рев не утихал ни на секунду. Артиллерия противника, не имея точных сведений о расположении готовых к атаке русских войск, хотя и много, но беспорядочно обстреливала лес и левый берег реки. К исходу дня пулеметные роты вышли на рубеж и открыли жестокий огонь по переднему краю обороны врага. Под их прикрытием саперы бросились в воду и стали наводить узенькие без перил пешеходные мостики, и хотя переправы еще не были закончены, пехота непреодолимым потоком бросилась в атаку. Мощное «ура!» грозными волнами, не умолкая, колыхалось над почерневшим Прутом.

Длинными извилистыми цепочками бойцы устремились на незавершенные еще переправы. Перебегали, прыгали в воду, карабкались по откосам, разрушали заграждения. Многие падали с мостков в быстро бегущие воды реки и беззвучно исчезали, уносимые мутными кипящими волнами.

И когда под прикрытием крутого берега реки накопилось достаточно сил, атака возобновилась. За откосом загрохотали взрывы ручных гранат. Штыки судорожно склонились вперед, и снова загрохотало и покатилося по полям Галиции и Буковины русское могучее и неотразимое «ура».

Город пал⁵.

Утром на чистеньких улицах древнего украинского городка ничем не нарушался обычный покой и тишина. Усталые поредевшие части этот день отдыхали. Но по хлебным полям и пыльным дорогам

⁴ Переправа через Прут началась ровно полночь с 17 (4) на 18 (5) июня. Основная ставка делалась на внезапность и быстроту действий. — Прим. ред.

⁵ В город одновременно вошли части 82-й и 32-й дивизий. — Прим. ред.

Галиции непреодолимым валом продолжали двигаться новые, свежие части русских брусиловских армий.

Знойный безветренный день, накаленный воздух, насыщенный желтой пылью, клубящимися волнами тянулся по дороге вслед за густыми колоннами войск⁶. Пыль проникала всюду, хрустела на зубах, раздражала глаза, проникала под одежду и, смешанная с обильным потом, вызывала нестерпимое желание броситься в первый попавшийся на пути ручей. Усталая пехота двигалась молча. Тяжелая выкладка вместе с запасом патронов и гранат отягчала ее грузные движения. Кое-где побрякивали закопченные котелки да пустые стеклянные флаги. Медленно ползли походные кухни, выпуская в мутно-желтый воздух голубоватые струйки едкого дыма. Сквозь густую завесу легкой горячей пыли слабо обрисовывался медно-красный солнечный диск.

В глубоком овраге с остатками разрушенного моста застряла артиллерия. Широкоплечие бородатые мужики — солдаты запаса, напрягаясь, как буйволы, помогали выбившимся из сил лошадям. В воздушном пространстве над ними витала самая отборная русская брань, ибо никто во всем мире не владеет такой изощренной и крепкой руганью, как русская конная артиллерия. То, что подчас не могли сделать крепкие выносливые кони, с успехом выполняли сами артиллеристы, вынося на руках свои тяжелые орудия.

Тут же в хвосте двигалась в пестрых расшитых кафтанах с кривыми, чеканными серебром и золотом саблями кавалерия из так называемой туземной дивизии, которая никогда не принимала участия в боях, болтаясь по дорогам и селениям, наводила она животный страх на и без того напуганное население.

Армия двигалась в направлении Карпат. 12 июня на рассвете, растянувшись снова цепями, вышли мы к берегам реки Серет. Под слабым артиллерийским огнем, с незначительными потерями были быстро форсированы три отдельные рукава реки, и наш полк вступил в небольшой городок Куты, расположенный у подножия карпатских гор. После двухдневного отдыха подразделения 326-го пехотного Белградского полка заняли рубеж на опушке молодого букового леса.

⁶ 19 (6) июня генерал Лечицкий из-за проблем снабжения приостановил выдвижение основных сил, организовав преследование лишь частями 82-й и 103-й дивизий, а также 3-го кавалерийского корпуса в направлении Карпат. — Прим. ред.

Перед нашей ротой раскинулись обширное хлебное поле, на котором уже дозревала высокая густая пшеница.

За этой золотистой, волнующейся под горячим южным ветром полосой снова начинался стройный буковый лес. На опушке этого зеленого шатра закрепились австрийские, мадьярские и немецкие части.

С вечера у бойцов, как обычно, был полный запас патронов, гранат и сухарей. Ранний ужин состоял из хороших мясных щей и жирной рисовой каши, после которого было приказано окопаться в отдельных одиночных окопах. Офицерский состав был чем-то озабочен. Молодые прапорщики — взводные офицеры о чем-то шептались, их встревоженные лица выражали необычное волнение. Но что нас ожидало завтра, никто из солдат не знал и не предполагал. Противник не производил никаких признаков жизни — ни один звук, ни один выстрел не нарушал ложного покоя молодого дремлющего леса.

Короткая ночь быстро пролетела. Но утро, пробужденное радостным пением птиц и теплым ласкающим ветром, при всей своей внешней красоте таило в себе страшную тайну предстоящей гибели десятков тысяч людских жизней как с одной, так и с другой из враждующих сторон.

Гренадерский взвод, состоящий из шестидесяти человек отборных, вооруженных кроме всего основного гранатами и ножницами солдат был расположен в средней, более выдвинутой части окопов. На его долю выпала горькая честь начинать этот грандиозный прорыв в Карпаты, в осуществление которого в течение одного дня были брошены сотни тысяч людей.

В страшной томительной тишине лежала молча первая цепь в своих маленьких окопах. За густой высокой пшеницей противнику совершенно не было видно, что происходит у нас.

Наклонившись ко мне, прапорщик Семенов, простой добродушный парень, тихо сказал: «Ротный командир приказал выделить ему после прорыва для охраны двух надежных солдат. Я назначил тебя и Бурова, не забудь, если останешься цел».

Семенов ушел. Ко мне подполз Буров и наш борец, пострадавший под Черновцами за пьянку.

Здесь на обломках спичек и был решен вопрос, давно терзавший оскорбленные и униженные чувства солдат нашей злосчастной роты. Момент настал.

По беззвучному сигналу бесшумно поднялся гренадерский взвод и двинулся на свое тяжкое дело. Слегка шелестя, под ноги ложилась

высокая пшеница. Таинственная жуткая тишина продолжалась еще несколько секунд. Ее нарушал только отрывистый звук биения собственного сердца. Мысли пылали. Мутное предчувствие почти неминуемой смерти еще пока не покидало разум. Нервная дрожь пробежала по всему существу. Граната дрожала в руке. Но отдельные первые выстрелы заметившего наше движение врага сразу спутали все.

Граната в правой, а ножницы в левой — вот и все, что осталось в помутневшем сознании. Взвод прилип к земле и пополз. И вдруг все сразу затрещало, заревело. Скошенные пулеметным огнем колосья сыпались на голову, на спину. Эхо от бешеной стрельбы и разрывов бомб в буковом лесу было похоже на раскатистый, непрекращающийся небесный грохот и гром. Когда сквозь стебли пшеницы обнаружились горизонтальные нити колючей проволоки, я бросил в окоп одну за другой три бризантные гранаты. Резкий звук взрывов таких же гранат прокатился по всему атакованному нами участку. Ружейный огонь на несколько секунд почти прекратился.

Мгновенным прыжком я упал к заграждениям и, лежа на спине, с лихорадочной скоростью начал резать колючую проволоку. Обычная уверенность и разум снова вернулись ко мне. Для обеспечения дальнейшей работы я снова бросил через голову еще одну гранату, и она со страшной силой разорвалась на грани окопа, образовав густые клубы пыли. «А что же дальше?» — мелькнула страшная мысль. Но в момент массивного взрыва наших гранат встала на ноги дотоле молчавшая, готовая к бою пехота. Мощным неумолкающим взрывом «ура!» отозвалась она на призывный грохот гранат. Еще миг, и синеватая сталь вперед наклоненных штыков зловеще сверкнула по фронту и заменила собой остатки золотистой измятой пшеницы.

Снова зазвучал страшным громовым голосом молодой буковый лес. Зашипели в воздухе бомбы; их взрывы создавали столбы клубящейся пыли. Треск пулеметов стихался. Но миг был упущен противником, и наша пехота стремительно ворвалась в первую линию окопов.

Вместе со своими ребятами я спрыгнул в окоп и, несмотря на озлобление, был поражен жестокостью работы русских штыков. Но это были всего лишь секунды. Снова загремело «ура!», и живая волнуемая людская стена двинулась дальше.

Опьяненный первым успехом и кровью, я тоже бежал, кричал, стрелял на ходу, сам не соображая куда.

Вдруг впереди в 20–30 шагах отрывисто затрещал австрийский пулемет, но я продолжал бежать уже бессознательно. Кто-то над ухом

крикнул: «Ложись!» и толкнул меня в шею. Я упал и увидел рядом с собой искаженное злобой и страхом лицо Михаила Привалова. Пули, как озлобленные пчелы, засвистели над головой, и я чувствовал, как они резали на моей спине скатку шинели. Когда поток пуль отклонился в сторону, я вспомнил о последней гранате и с силой бросил ее прямо в пулемет, а сам снова припал к земле. Граната грохнула и пулемет умолк. Мы вскочили на ноги и снова бросились вперед. В десяти шагах от пулемет, лежала, уткнувшись лицом в землю, могучая, широкоплечая фигура — это был наш борец. Он был почти перерезан по груди пополам пулеметной очередью.

Соппротивление противника здесь было сломлено, серые, мышино-го цвета мундиры металась по лесу. Одни бежали, другие падали, как дрова, некоторые группами стояли у деревьев и тянули руки кверху.

Но живая ревущая и гремящая волна остановиться уже не могла и катилась без удержу, оставляя за собой на ярко-зеленой траве серые неподвижные трупы. Неудержимая атака продолжалась. Левый фланг наш оторвался от соседей и двигался вдоль отрогов гор, все шире и шире открывая свой тыл.

Буковый лес внезапно кончился. Перед нами открылась узкая лента просвета, за которым сплошной стеной растянулся невысокий густой кустарник.

Не знаю, какими судьбами я раньше других оказался на поляне и совершенно бессознательно устремился к кустам. Но в этот момент кусты зашевелились, и оттуда двинулась с винтовками на перевес густая мадыарская цепь контратакующих. Они поднимались в 3–4 метрах передо мной, их суровые и на вид покойные лица я помню до настоящего момента.

В это же время на левом фланге в тыл нашей части с гор спустилась другая группа противника.

Наша передняя цепь не приняла штыковой бой, в один миг залегла на опушке и открыла бешеный ружейный огонь по атакующим мадыарам. Последние, не выдержав огня, тоже залегли и открыли ответный огонь.

И вот здесь произошло что-то совершенно непонятное — ко мне н встречу бросился с винтовкой наперевес молодой австрийский солдат. Не сознавая, что ему нужно, я растерянно смотрел на него, но в расстоянии всего лишь полуметра от меня винтовка выпала из его рук, плечо потемнело, и по правой руке побежали красные струйки. Он начал извиваться, по-видимому, от страха и боли хватался рукой за плечо,

а по лицу текли потоки слез. Я указал ему на землю: «Ложись», но в этот момент что-то отрывисто щелкнуло, на лбу его появилось красное пятно и он грохнулся на землю. А вокруг стоял настоящий ад — во всех направлениях взвизгивали пули, грохотали гранаты. Я тоже упал на землю, один, посредине зеленой площадки. Как выяснилось позже, по цепи передали приказ отступить. Цепь быстро поднялась и покатила назад. Я вскочил и тоже бросился за ними. Над моим ухом раздался знакомый голос: «Что, австрийского штыка попробовать захотел? Скажи спасибо». Я крепко пожал руку Михея, и мы вместе, иногда отстреливаясь, бежали дальше, снова углубившись в буковый лес. Люди, потеряв взаимную связь, бежали уже кто куда попало. Среди зелени мелькали серые мундиры австрийцев и зеленые гимнастерки наших солдат.

Вдруг передо мной вырос как из-под земли блуждающий по лесу пьяный наш ротный командир прапорщик С.

— Стой, оставайся со мною, — крикнул он мне, и, по-видимому, боясь, что я убегу, пригрозил наганом.

Сзади, что-то показывая в землю, бежали на нас двое австрийцев. Я припал на колено и вскинул винтовку. Один из них тут же упал, разбросав руки, а через секунду, точно споткнувшись на что-то, упал лицом в землю второй. Все это происходило точно в тумане и было похоже на страшный длительный кошмарный сон. Но и в этот момент почти бессознательного, тупого [...] я не забыл обиду, нанесенную этим человеком моим товарищам. Вспомнил и труп перерезанного пополам пулеметным огнем нашего героя-борца.

— Гранаты где!? — заревел на меня С. и снова поднял наган. Я выбил из его руки наган и отскочил в сторону... Красное пятно вдруг стало расширяться прямо на сердце С.

— Санита.. — успел только вскрикнуть он, падая на спину; каблуки еще судорожно скользили по земле, но жизнь уже покинула этого озверелого негодяя.

Еще до начала боев мы с Михеем поменялись адресами с целью сообщить родным, если с кем-либо из нас что-либо случится. Лес, где мы бросались во все стороны, потеряв, по-видимому, ориентировку, был уже окружен со всех сторон врагом. Начался жестокий артиллерийский и бомбометный огонь. Стреляли всюду, вероятно, и наша, и австрийская артиллерия.

И вот здесь еще один момент, но уже в последний раз я увидел Михея Привалова. Что именно произошло, я не знаю, так как на этом моменте произошел провал в моем сознании.

Важность успеха в этом районе решала дальнейшее развитие успеха Брусиловского прорыва, а поэтому к подножью Карпат были подняты крупные силы в составе 3 корпусов.

Во второй половине дня наши отброшенные части, подкрепленные свежими силами, снова бросились в атаку, и стремительным ударом обеспечили полный прорыв фронта.

Когда я открыл глаза, сквозь ярко-зеленую листву виднелось синее небо, белые клочки разорванных облаков покойно плыли одно за другим.

Около меня лежало сбитое снарядом дерево и несколько изуродованных окровавленных трупов. Страшно болела голова; по временам какой-то туман застилал глаза и мысли. Смутно доносилась отдаленная беспорядочная пулеметная и ружейная стрельба; она постепенно усиливалась и нарастала. Где я находился и что произошло со мной, я так и не смог понять. Вблизи слышался шорох и треск сучьев — австрийские санитары несли мимо меня на носилках раненых. Я притаился, но звук стрельбы всё нарастал и приближался. Кое-где пробивая стволы старых деревьев, взвизгивали и шлепали пули. Показались отдельные бегущие австрийские солдаты. Вот трое из них с лихорадочной скоростью начали устанавливать пулемет. Где-то уже совсем недалеко прозвучало раскатистым эхом протяжное уверенное «ура!» Австрийцы уже бежали врассыпную, как стадо испуганного скота. Я закрыл глаза и затаил дыхание. Со всех сторон слышался топот ног, треск сучьев, непонятный гвалт и уже непрерывный свист пуль. Звуковая картина быстро менялась. Сначала невнятно слышались отдаленные звуки русской речи, возбужденные выкрики и крепкая брань. Я открыл глаза. В нескольких метрах от меня среди деревьев показался взмыленный конь. Его налитые кровью глаза блуждали в пространстве. На нем сидел помощник командира полка — полковник Рот. Сверкая в воздухе сталью своей сабли, он, повернув голову назад в иступлении кричал: «Вперед! Вперед ребята! Победа! Победа! Не отставай не отрывайся!» Измученные солдаты с воспаленными красными лицами с потеками грязного пота, с отпечатком голодной усталости, тяжело дыша, бежали, кричали, стреляли.

Сила азарта и голос победы подняли меня на ноги. Подобрал первую попавшуюся винтовку, раскачиваясь, как пьяный, от дерева к дереву, я тоже пошел вслед за бегущими солдатами. Какой-то незнакомый боец, пробегая мимо, взглянул на меня и остановился.

— Тут недалеко санитары, валяй-ка к ним, помогут, — крикнул он мне, указывая рукой назад. Но я ухватился за его плечо. Солдат,

по-видимому, сразу понял меня, и мы продолжали с ним путь в направлении общего движения вперед.

Через некоторое время между стволами деревьев замелькали полоски просвета. Лес внезапно кончился. Передо мной открылась страшная неповторимая картина массового бегства врага. Розоватые лучи клонящегося к закату солнца дымящимися потоками света заливали бесконечную безлесную равнину; и эта низменная пустынная гладь дышала неровным движением человеческих масс. Казалось, что здесь, внизу, на опушке леса, кто-то разорил огромный муравейник и обитатели его в страшном смятении двинулись в далекий нелегкий путь за поиском новых убежищ. Далеко впереди, по единственной дороге неслись, сбивая с ног людей, артиллерийские упряжки. Потоки людей колыхались, как волны потока под шквалами порывистого ветра. Дымки шрапнельных разрывов прыгали всюду над этой необъятной равниной страха и смерти. Взрывы фугасов вздымали к небу черные столбы смешанной с огнем земли, прыжками бросались по дымящейся пылью дороге. Обозные и артиллерийские лошади шарахались, падали. Орудия, кухни, телеги опрокидывались, летели в канавы.

И вдруг вся эта масса как будто вздрогнула в последней предсмертной судороге — справа появилась наша кавалерия. Широкий, плотный строй ее неудержимо врезался в серую массу солдатских мундиров.

Но напряжения моих нервов уже больше не хватало мне. Вид человеческого ужаса и гибели лишил меня последних сил, и я опустился на землю. Какой-то солдат или санитар перевязал мне распухшую голову и усадил на носилки. Лицо лежавшего в них человека показалось очень знакомым. Я заглянул в него и встретился с болезненным улыбающимся взглядом прапорщика Семенова — нашего взводного офицера. Оказалось, что он был ранен в обе ноги еще в конце первой, неудачной атаки. Как раз у того места, где хотел заколоть меня молодой ретивый австриец. Семенов, раненый, остался в плену и вот сейчас был отбит при повторной атаке. Его понесли на носилках, но я, верный закону солдата — никогда не бросать винтовку и держаться на своих ногах, пока хватает сил, встал с носилок и пошел сам вслед за носилками Семенова.

В госпитале от раненого солдата своей роты я узнал, что Михей Привалов был тяжело ранен в плечо во время первой атаки и отправлен в тыл.

А из нашего гренадерского взвода, что начинал прорыв в Карпаты, остался жив только я да добрый Михеюшка Привалов.

В этот же вечер я доложил командиру нашего батальона подполковнику Распопову о гибели ротного командира прапорщика С. Подполковник прослезился, но эти слезы сразу охладили во мне некоторое чувство уважения к этому человеку.

Как я узнал впоследствии, Михай Привалов был свидетелем моей контузии в затылок, по-видимому, осколком разбитого снарядом дерева. Далее после ранения Михай из госпиталя сообщил моей матери о смерти сына.

На Коломью

Свежие части русских войск в этот же день включились в общее наступление и продолжали преследовать противника в направлении г. Коломья.

После дневного отдыха наш полк в резерве двинулся в том же направлении. На закате солнца жар быстро спал. Обильная роса легла на пыльную дорогу и освежила воздух, деревья и травы. Я ехал в санитарной кибитке, т. к. голова моя болела и по временам немного путалось сознание.

Ночь была тихая, звездная, и если бы не далекие, почти беззвучные вспышки разрывов, похожих на пламя вечерних зарниц, на неяркий бледно-зеленый свет невидимых ракет, то можно было думать, что события вчерашнего дня — это только тяжелый кошмарный сон, а жизнь так же прекрасна, как это самое усеянное горящими звездами небо.

Солдаты шли быстро и молча. Кое-где на пути попадались селения. В окнах домиков не было света, и ни одно живое существо не проявляло признаков жизни.

Небольшие привалы иногда нарушали это безмолвное решительное шествие. Слышались сдержанные голоса, и появлялись блуждающие красные точки солдатских сигарок. Потом дорога снова оживала, сначала неровно, неуверенно раскачивалась и двигалась сонным человеческим потоком. Я несколько раз засыпал и снова просыпался, а перед самым рассветом вылез из кибитки и пошел за ней, держась рукой за заднюю перекладину.

Предрассветный ветерок слегка коснулся вершин молодых буков, и они робко зашелестели по сторонам дороги, освеженные чистой алмазной росой. Небольшой перелесок кончился, и навстречу живому потоку двинулся алый рассвет. По обе стороны дороги начали попадаться разбитые обозные телеги, зарядные ящики, перевернутые кверху

зубастыми разбитыми колесами. Кое-где у обочин дороги в поле лежали серые пятна солдатских безжизненных тел. Краски этой картины начали постепенно сгущаться.

Здесь, по-видимому, была ликвидирована неудачная австрийская контратака или просто достигнута и разгромлена какая-либо поздно выбравшаяся на дорогу воинская часть. Слева у дороги над холмиками могил и разнообразными крестами и памятниками виднелись группы развесистых ярко-зеленых деревьев. Чем ближе подходили мы к кладбищу, число трупов увеличивалось. Местами тела лежали группами, зеленые лица убитых возбуждали невольную нервную дрожь.

Далеко впереди, проходя мимо крайнего памятника, людская волна колыхалась и головы всех поворачивались влево. Вскоре и я поравнялся с тем же зловеще зияющим мрамором и вздрогнул невольно, пораженный ужасной картиной. По обе стороны памятника стояли два рослых солдата, два невольных свирепых врага. Штыки их винтовок вонзились взаимно в широкие груди того и другого. Винтовки опирались на мрамор креста, а потемневшие лица повисли на грудь, как будто были внезапно застигнуты непреодолимым глубоким сном.

Радостный розовый луч восходящего солнца, несущий отраду и жизнь всему миру, невольно, взглянув на эту страшную дикую картину, казалось, померк, негодуя, и скрылся в туманное облако ускользящей ночи.

Мои еще не окрепшие нервы вызвали сильный прилив крови к больной голове, и, чтобы устоять на ногах, я схватился за кибитку двумя руками и, закрыв глаза, пошел, не оглядываясь, мимо страшного кладбища.

В Коломые было совершенно пусто — население ушло или спряталось по лесам.